

Научная статья
УДК 342.591; 34.096
doi: 10.35750/2071-8284-2023-4-31-38

Валерий Всеволодович Керов

доктор исторических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0003-4853-1102>, vvkerov@gmail.com

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Российская Федерация, 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1*

Правовой статус старообрядцев в Российской империи: нормативное закрепление и особенности обеспечения в 1907–1914 годах

Аннотация: Введение. Статья посвящена проблемам применения норм, закрепленных в законодательстве Российской империи и ведомственных нормативных правовых актах, касающихся старообрядцев, после Первой российской революции. Указами 17 апреля 1905 г. и 17 октября 1906 г. старообрядцам была предоставлена «свобода верования и молитв по велению его совести», однако в реальной жизни права старообрядцев на свободное исповедание существенно ограничивались местной властью.

Цель исследования – определить коллизионность правовых норм, обеспечивавших подданным Российской империи «свободу верований и молитв по велению... совести»; выявить особенности применения органами исполнительной власти этих норм в 1907–1914 гг.

Теоретико-методическая основа. Основными методологическими принципами исследования явились принципы историзма, единства теории и практики, всесторонности изучения социальных процессов и явлений, единства исторического и логического. Основным методологическим подходом исследования был определен системный подход. Используются общенаучные (исторический, функциональный, теоретического моделирования, построения гипотез) и специальные (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой) методы правовых исследований.

Результаты. Анализ показал, что позиция и, соответственно, нормативные акты Синода как органа исполнительной власти в ряде случаев входили в противоречие с подзаконными актами (распоряжениями, разъяснениями и пр.) Министерства внутренних дел. Необходимая для полноценного функционирования правовой системы строгая их соподчиненность между собой в имперском законодательстве отсутствовала. Конкретизация и применение правовых норм во многом зависели от позиции ведомства. При их различии правоприменение определялось усмотрением конкретного должностного лица, даже низкого чина, имевшего возможность выбирать между нормативными актами Министерства внутренних дел и Синода Российской церкви, имевшими одинаковую юридическую силу. Это обусловило недоверие старообрядцев к местным органам исполнительной власти.

Ключевые слова: законодательство Российской империи, правовой статус старообрядцев, свобода вероисповеданий, МВД Российской империи, Святейший Синод, отправление староверами религиозных обрядов

Для цитирования: Керов В. В. Правовой статус старообрядцев в Российской империи: нормативное закрепление и особенности обеспечения в 1907–1914 годах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 4 (100). – С. 31–38; doi: 10.35750/2071-8284-2023-4-31-38.

Valeriy V. Kerov

Dr. Sci. (Hist.), Professor

<https://orcid.org/0000-0003-4853-1102>, vvkerov@gmail.com

*Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
82, building 1, Vernadskogo Ave., Moscow, 119571, Russian Federation*

Legal status of Old Believers in the Russian Empire: normative framework and features of support in 1907–1914

Abstract: Introduction. The article is devoted to the problems of applying the norms enshrined in the legislation of the Russian Empire and departmental regulatory legal acts relating to Old Believers after the First Russian Revolution. By decrees of April 17, 1905 and October 17, 1906, Old Believers were granted “freedom of belief and prayer at the behest of their conscience,” but in real life, the Old Believers’ rights to free confession were significantly limited by local authorities.

The purpose of the study is to determine the conflict of law norms that provided subjects of the Russian Empire with “freedom of beliefs and prayers at the behest of ... conscience”; identify the features of the application of these norms by executive authorities in 1907–1914.

Theoretical and methodological basis. The main methodological principles of the study were the principles of historicism, the unity of theory and practice, the comprehensiveness of the study of social processes and phenomena, the unity of the historical and logical. The main methodological approach of the study was determined to be a systematic approach. General scientific (historical, functional, theoretical modeling, hypothesis building) and special (formal legal, historical legal, comparative legal) methods of legal research were used.

Results. The analysis showed that the position and, accordingly, the normative acts of the Synod as an executive body in a number of cases were in conflict with the by-laws (orders, clarifications, etc.) of the Ministry of Internal Affairs. Their strict subordination to each other, necessary for the full functioning of the legal system, was absent in imperial legislation. The specification and application of legal norms largely depended on the position of the department. Despite their differences, law enforcement was determined by the discretion of a specific official, even a low rank, who had the opportunity to choose between regulations of the Ministry of Internal Affairs and the Synod of the Russian Church, which had the same legal force. This led to the Old Believers’ distrust of local executive authorities.

Keywords: legislation of the Russian Empire, legal status of Old Believers, freedom of religion, Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, Holy Synod, worship of religious rites by Old Believers

For citation: Kerov V. V. Legal status of Old Believers in the Russian Empire: normative consolidation and features of support in 1907–1914 // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 4 (100). – P. 31–38; doi: 10.35750/2071-8284-2023-4-31-38.

Введение

Вопрос правовой преемственности современной России по отношению к СССР и тем более Российской империи, в отечественной правовой науке имеет дискуссионный характер [1. См. также: 15, с. 2–7. Библиографию см.: 10]. Современные правоведы утверждают, что создается лишь «иллюзия, что со старым правом после революционных переворотов покончено бесповоротно, хотя через некоторое время в новой системе права начинают проявляться те конструкции, которые были в свое время незаслуженно отвергнуты» [2, с. 14]. Для большинства не вызывает сомнений, что в современную эпоху «одной из первоочередных задач постсоветской историко-правовой науки должно стать восстановление прерванной в советский период преемственности и удержание, творческое восприятие того ценного, что было накоплено за всю историю ее развития» [4, с. 161]. Исследование российской правовой системы с точки зрения ее преемственного развития поможет

сформировать целостный взгляд на российскую действительность, скорректировать дальнейший путь развития российской правовой системы и обозначить актуальные вопросы, требующие научной разработки [8, с. 2].

Кроме того, значимость результатов анализа эволюции российских государства и общества и их использования на современном этапе подчеркнута Президентом России. В. В. Путин отметил, что «связанность нашей истории, тысячелетней истории, – она чрезвычайно важна... Россия развивалась исторически, и во все её периоды – и в Древней Руси, и в период Московского царства, и в период Советского Союза, и сейчас, в наше время, – это одна страна»¹. Историческая преемственность закреплена

¹ Встреча с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию. 26 февраля 2020 года [Электронный ресурс] // Сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62862> (дата обращения: 30.04.2023).

и в Конституции РФ. В ст. 67 ч. 2, в частности, сказано, что Россия объединена тысячелетней историей и сохраняет «память предков, передавших нам... преемственность в развитии Российского государства»².

Таким образом, совершенно очевидна необходимость выявления и учета опыта развития отечественной государственно-правовой системы и особенностей практики применения правовых норм. Это относится и к периоду Российской империи.

В прошлом (как и в настоящем) нашей страны существенную роль в формировании и функционировании системы законодательства играли органы исполнительной власти. В современном государстве исполнительная власть в соответствии с юридическими нормами прежде всего реализует управленческую деятельность, направленную на исполнение законов, а также, что важно, осуществляет подзаконное регулирование и обеспечивает административное правоприменение. При этом деятельность, в том числе нормативная, исполнительной власти – подзаконна, то есть «нормативные акты, принимаемые органами исполнительной власти... не могут противоречить законам»³.

В Российской империи в соответствии с Основными государственными законами от 23 апреля 1906 г. «обязательные постановления, инструкции и распоряжения, издаваемые Советом Министров, Министрами и Главноуправляющими отдельными частями, а также другими на то законом уполномоченными, установлениями, не должны противоречить законам»⁴.

Однако в отношении старообрядчества в начале XX в. сложилась противоречивая ситуация. С одной стороны, указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении основ веротерпимости» каждому подданному обеспечивал «свободу верования и молитв по велению его совести»⁵. Еще больше прав старообрядческим общинам предоставлял указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов»

² Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года [Электронный ресурс] // Сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 30.04.2023).

³ Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник: 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Эксмо, 2010. – 510 с.

⁴ Основные Государственные Законы. – Ст. 122 / Свод законов Российской Империи / под ред. и с прим. И. Д. Мордухай-Болтовского. – Санкт-Петербург: Русское книжное т-во «Деятель», 1912. – Кн. 1. – Т. 1. – С. 9.

⁵ См.: 17 апреля [1905 г.] Именной Высочайший указ «Об укреплении основ веротерпимости» // Полное собрание законов Российской Империи. Третье собрание (далее – ПСЗ-3). – Санкт-Петербург: Государственная тип., 1908. – Т. XXV: 1905 г. – Отд. 1. – Ст. 26125. – С. 257.

от 17 октября 1906 г.⁶ В то же время старообрядческие периодические издания начала XX в. содержат большое число указаний на случаи, когда право старообрядцев на свободное исповедание серьезно ограничивалось.

Таким образом, цель исследования – определить коллизии правовых норм, обеспечивавших подданным Российской империи «свободу верований и молитв по велению ... совести»; выявить особенности применения органами исполнительной власти этих норм в 1907–1914 гг. – определить, шла ли речь о нарушении представителями исполнительной власти законов, которые гарантировали, что «все не принадлежащие к господствующей Церкви подданные ... пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужением по обрядам оной»⁷, или дело было во внутренних коллизиях правовых норм.

Теоретико-методическая основа. При проведении исследования были использованы системный подход, общенаучные (исторический, функциональный, теоретического моделирования, построения гипотез) и специальные (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой) методы правовых исследований.

Результаты и обсуждение

В массе информации о продолжении после 1905 г. преследований староверов целесообразно выделить проблему реализации права старообрядческих священников на проведение публичных богослужений вне храмов, в том числе крестных ходов. После многих случаев противодействия местных властей проведению староверами крестных ходов вне храма постоянный Совет Всероссийских старообрядческих съездов обратился в МВД, и министерство в особом циркуляре в 1910 г. разъясняло, что старообрядцам можно отправлять духовные требы не только в храмах, но и в «иных потребных случаях», и, соответственно, «старообрядцам предоставлено право и устройства крестных ходов и вообще религиозных процессий без особого на то полицейского разрешения», поскольку «старообрядцам предоставлено свободное исповедание их веры и отправление их обрядов»⁸. Однако, несмотря на разъяснение МВД, случаи запре-

⁶ См.: 17 октября [1906 г.] Именной Высочайший указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов» // ПСЗ-3. – Санкт-Петербург: Государственная тип., 1909. – Т. XXVI: 1906. – Отд. 1. – Ст. 28424. – С. 908.

⁷ Основные Государственные Законы. – Ст. 66. – С. 5–6.

⁸ Церковь: старообрядческий церковно-общественный журнал. – 1910. – № 50. – С. 1240; Шалаев (Ф. Е. Мельников). Отношение правительства к старообрядчеству в прошедшем году // Церковь. – 1911. – № 1. – С. 3, 4; и др.

тов на старообрядческие крестные ходы продолжались⁹. В апреле 1911 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД, 4-е управление которого курировало старообрядчество, издал циркуляр, гласивший, что «устройство старообрядцами крестных ходов и иных религиозных процессий, и притом, с правом участия в оных старообрядческих духовных лиц в церковных облачениях, не требуют особого разрешения и должно подчиняться лишь общим полицейским правилам». Несмотря на это, староверов в различных регионах продолжали привлекать к суду за совершение крестных ходов¹⁰. Так, Московское губернское правление запретило староверам Бронницкого уезда совершать крестный ход по требованию местного миссионера, который позже «тоном лица облеченного властью, победоносно заявил старообрядцам: “В своем районе я не допущу раскольнического крестного хода”»¹¹.

Еще одним примером может служить вопрос о совершении треб над старообрядцами, не являющимися членами данной общины. В Московской губернии старообрядческий священник подвергся полицейскому преследованию после того, как обвенчал единоверца, не принадлежавшего к окормлявшейся священником общине. Старообрядцы обратились в губернское правление, где им объяснили, что «старообрядческий священник может совершать требы только в своей общине и лишь над теми лицами, которые приняты в эту общину»¹². После запроса в министерство внутренних дел о противоречии между указами 1905 и 1906 гг. и действиями полиции, в марте 1908 г. было получено официальное разъяснение министерства, где объявлялось, что «так как в Высочайшем указе 17 октября 1906 г. не содержится указаний на право старообрядческих духовных лиц той или другой общины совершать эти обряды лишь над членами своей общины, следует притти к заключению, что каждый настоятель или наставник старообрядческой общины, зарегистрированной в установленном названным указом порядке, может крестить, бракосочетать и хоронить каждого нуждающегося в таинстве или требе старообрядца, а равно и записывать его в соответствующую метрическую книгу»¹³.

При решении отдельных вопросов в подзаконных актах различных ведомств обнаруживались противоречия. Так, в указе 17 апреля 1905 г. устанавливалось, что решение о переходе из официального православия в другую христианскую конфессию, включая старообрядчество, «не подлежит преследованию и не должно влечь за собой каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий»¹⁴. Однако циркуляр МВД от 18 августа 1905 г. вменял в обязанность увещание «отпавшего» «со стороны [официального] православного духовенства». В то же время высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 14 марта 1906 г. отменило обязательность увещания «отпадающих от господствующей церкви». А в 1911 г. министерство юстиции издало циркуляр, где снова сделало обязательным в таких случаях увещания в соответствии с циркуляром МВД от 18 августа 1905 г., а «неисполнение основанных на упомянутом выше циркулярном предложении законных требований правительственных и полицейских властей должны подвергать виновных ответственности» по Установлению о наказаниях уголовных и исправительных¹⁵.

Речь не шла о «недоразумениях»¹⁶, как иногда называли такие случаи сами старообрядцы. И проблема заключалась не в своеволии местных властей и тем более не в нарушении якобы имперского законодательства. Староверы были неправы, когда заявляли, что «царские слова старообрядцы ... должны понимать о них так, как додумалась какая-нибудь узкая голова умного урядника»¹⁷. Дело в том, что в Российской империи в начале XX в. государственные меры по вопросам вероисповедания во многом зависели от позиции Российской православной церкви. В Основных законах провозглашалось, что «первенствующая и господствующая в Российской Империи» вера – «Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания» – осуществляется через «господствующую церковь». Главой церкви и «блюстителем всякого в церкви благочиния» является Император, действующий через Святейший Правительствующий Синод¹⁸. Кроме того, Синод имел статус государственного ведомства, а обер-прокурор Синода был приравнен к министрам: ему по должности присваивался 2-й чин (который имел не каждый министр) и он мог присутство-

⁹ Напр., см.: Старообрядческая мысль // Ежемесячный журнал, посвященный церковно-общественной жизни старообрядчества. – 1911. – № 5. – С. 391.

¹⁰ Там же. – С. 77–79.

¹¹ Труды Двенадцатого Всероссийского съезда старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой иерархии в Москве. 30 января – 1 февраля 1912 года. – Москва: Тип. П. П. Рябушинского, 1913. – С. 30.

¹² Общее собрание духовенства и мирян в Москве // Церковь. – 1908. – № 9. – С. 330.

¹³ Цит. по: К сведению старообрядческих общин // Церковь. – 1908. – № 12. – С. 435.

¹⁴ 17 апреля [1905 г.] Именной Высочайший указ «Об укреплении основ веротерпимости». – С. 257.

¹⁵ Труды Двенадцатого Всероссийского съезда старообрядцев... – С. 77–79.

¹⁶ Церковь. – 1910. – № 50. – С. 1240.

¹⁷ Гонения продолжают // Старообрядцы: орган церковно-общественной жизни старообрядчества. – Нижний Новгород, 1908. – С. 769–770.

¹⁸ Основные Государственные Законы. – Ст. 62–65. – С. 5.

вать «на заседаниях Государственного Совета, Совета Министров и Комитета Министров на равных с министрами основаниях»¹⁹.

Огосударствленная официальная церковь, будучи по сути духовным ведомством, в то же время во многом определяла государственную политику в отношении старообрядчества, в котором синодальные власти видели конкурентов. Государство учитывало это, ощущая идеологическую поддержку со стороны РПЦ и веря в контроль церкви над умами российских православных подданных. Так, товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский заявил, что правительство не может расширять дальше права старообрядцев, не нарушая статей Основных законов о главенстве Российской церкви. Чиновник утверждал, что в результате признания старообрядческой иерархии произошло бы образование новой православной структуры, что вызвало бы законодательное «уничтожение... первенствующего положения» официальной церкви [9, с. 62–63; 11, с. 135–136]. Обер-прокурор Синода В. К. Саблер подтверждал, что «государство не может ставить в одинаковые условия старообрядческое духовенство с духовенством [официально] православным»²⁰.

По мнению П. А. Столыпина, «законный путь» в вероисповедных вопросах заключался в том, что государство, с одной стороны, «оставляет за собой и право, и обязанность определять политические, имущественные, гражданские... нормы, вытекающие из вероисповедного состояния граждан». Но, с другой – в вероисповедных вопросах, подчеркнул премьер, правительство должно «согласовывать интересы вероисповедной свободы... с интересами господствующей первенствующей церкви»²¹. Формально это соответствовало существовавшей правовой норме: по Общему установлению министерств, если «предполагаемая мера» была связана с другими министерствами, необходимо было «наперед сделать с ними все нужные сношения, дабы тем вернее учредиться в совокупном их действии»²².

Действительно, по конкретным вопросам отношения к старообрядцам верховная власть

периодически обращалась к мнению Синода. Так, после запроса Военного министерства Синод в лице обер-прокурора и митрополита Московского Владимира утверждал, что недопустимо присваивать старообрядцам офицерские звания и, соответственно, принимать в офицерские школы и военные училища²³. Старообрядцы все же становились офицерами²⁴, но часто выпускники училищ не получали офицерских и унтер-офицерских званий без перехода к официальной церкви²⁵.

Проблема заключалась в том, что отношение господствующей церкви к старой вере носило непримиримый характер. По мнению старообрядцев, после указов 1905 и 1906 гг. «правительство церковное... тосковало о минувших днях всякого насилия над совестью старообрядцев»²⁶. Официальная церковь во многих своих действиях, по мнению ревнителей древнего благочестия, обнаруживала «проявление старой ненависти и злобы, до сих пор, еще действующих во взглядах синодальных сфер на старообрядцев»²⁷ и «в борьбе со старообрядчеством утратила даже христианский облик»²⁸.

Архиепископ Варшавский Николай (Зиоров) заявил об Указе 17 апреля: «Государство берет под свою защиту и покровительство врагов церкви... Раскольники радовались, а мы плакали». Архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) настаивал, что Указ пошел «вразрез с народным духом» и т. п. [5, с. 521–522]. Поэтому в декабре 1907 г. Синод принял определение «о законопроектах, касающихся осуществления свободы совести», где предписывалось губернаторам содействовать «в охранении прав Церкви», а полиции – наблюдать за тем, чтобы старообрядцы не распространяли своего учения и своих заблуждений в народе». Старообрядцам, по мнению Синода, следовало осуществлять богослужения, богомоления [в том числе крестные ходы], строительство молитвенных зданий не только с разрешения губернских правлений, но после обязательного получения согласия «епархиального начальства»²⁹.

¹⁹ 6 декабря [1904 г.] Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 6 декабря 1904 г. «О присвоении должностям Обер-Прокурора Святейшего Синода и его Товарища классов по чинопроизводству и разрядов по шитью на мундире и об определении прав Обер-Прокурора Святейшего Синода по присутствованию в Государственном Совете и Совете и Комитете Министров» // ПСЗ-3. – Санкт-Петербург: Государственная тип., 1907. – Т. 24: 1904. – Отд. 1. – Ст. 25486. – С. 1194. См. также: [12, с. 80–122].

²⁰ Слово Церкви. Старообрядческий церковно-общественный журнал. – 1916. – № 3. – С. 80.

²¹ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 г. – Москва: Молодая Гвардия, 1991. – С. 213.

²² Манифест 25 июня 1811 г. Об «Общем учреждении Министерств» // Российское законодательство X–XX в.: в 9 т. – Москва: Юридическая литература, 1988. – Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. – С. 114.

²³ Почему старообрядцам не давали в России свободы // Слово церкви. – 1916. – № 7. – С. 156–157.

²⁴ См., напр.: Слово церкви. – 1916. – № 47. – С. 948.

²⁵ См., напр.: Письмо [старообрядческого] еп. Рязанского и Егорьевского в Генеральный штаб // Слово церкви. – 1916. – № 52. – С. 1042–1043.

²⁶ Указ 17 апреля 1905 года и отношение к нему господствующей в России церкви (к 3-й годовщине) // Церковь. – 1908. – № 16. – С. 570.

²⁷ Критический взгляд на определение Синода от 15–25 дек. 1907 г. № 8198 // Церковь. – 1908. – № 12. – С. 420.

²⁸ Старообрядчество и русское общество // Слово Церкви. – 1916. – № 25. – С. 539. См. также: Новые напраслины // Церковь. – 1908. – № 12. – С. 410–413; Синодальное «беспристрастие» // Церковь. – 1908. – № 14. – С. 503–505; Церковь. – 1908. – № 46. – С. 1542; и др.

²⁹ О законопроектах, касающихся осуществления свободы совести: определения Святейшего Синода от 15–21 декабря 1907 г. // Церковные ведомости. – 1908. – № 1. – С. 7, 8.

Подобная позиция и, соответственно, нормативные акты Синода – по сути, органа исполнительной власти – в ряде случаев входили в противоречие с подзаконными нормативными актами министерства внутренних дел (в данном случае с распоряжениями и разъяснениями), в том числе в отношении упоминавшегося права старообрядцев на публичные богослужения, а также других норм. В Российской империи сила законов была «равно обязательна для всех без изъятия»³⁰. Однако необходимая для полноценного функционирования правовой системы строгая соподчиненность подзаконных актов между собой в имперском законодательстве отсутствовала. Формально необходимый для этого государственный орган существовал.

Выяснение законности министерских подзаконных актов между собой и по отношению к общим законам было функцией Первого департамента Правительствующего Сената, который принимал министерские акты, хотя и не все, для опубликования и мог возратить их для доработки. В этот же департамент поступали жалобы на министров, издавших тот или иной акт [6, с. 24]. Кроме того, в соответствии с Общим учреждением министерств правомочность министерского акта ограничивалась «тем кругом дел, который установлен для каждого министерства», а в случае, если акт относится к «такому делу, которое не принадлежит к его министерству, то, не чиня по оному исполнения» получившее его «подчиненное начальство» (в том числе губернское) «обязано испросить разрешения от того министра, к коему относится предмет предписания»³¹. Однако в МВД старообрядцами занимался Департамент духовных дел, а Синод считал «раскольников» своей компетенцией.

Противоречия между МВД и Синодом, в основном со стороны Православного ведомства, дошли до того, что «Миссионерское обозрение» прямо заявило: «Порвав исконную связь Русского государства с Православной церковью в деле обсуждения и выработки вероисповедных законов, министерство внутренних дел ... пошло по пути освобождения государства от конфессионального элемента, сокращая и изменяя в этом направлении наше законодательство по делам веры», отчего «пострадали интересы первенствующей и господствующей церкви». Сохраняя в силе ограничения привилегий официальной церкви, введенные указом 17 апреля 1905 г., МВД своими действиями якобы «умножает эти ограничения»³². Из-за таких разногласий ведомственные циркуляры крайне редко согласовывались

непосредственно между ведомствами. Полноценного же механизма общего согласования подзаконных актов, изданных различными ведомствами, в России не существовало.

Некоторые исследователи утверждают, что в России имелся формально «инструментарий контрольно-надзорной деятельности, осуществляемой в рамках определения законности акта управления» [6, с. 28], но анализ показывает несовершенство такого инструментария. Сам механизм выяснения законности и состоятельности ведомственного циркуляра был довольно сложен и затянут в реализации [13, с. 68–70]. В отсутствие такого полноценного и эффективного механизма на ситуацию воздействовали все имевшиеся проблемы правотворчества: нарушение пределов компетенционных полномочий министерств по созданию норм; нарушение издаваемыми министерскими «установлениями» субординационных связей с элементами существующей тогда системы нормативно-правовых актов; вхождение в противоречие с высочайше утвержденными актами, в развитие которых эти министерские «установления» издавались, а также употребление различных видов подзаконных актов без четкого отграничения их содержания [7, с. 14]. Кроме того, в Сенат передавались акты лишь в случаях, когда возникала «нужда сделать общее (циркулярное) предписание», а при направлении циркуляра или «разъяснения» конкретному местному органу власти (например, тому или иному губернскому правлению) обращения к Сенату не требовалось³³.

Заключение

В результате конкретизация и уточнение правовых норм, тем более в условиях широкого применения административного усмотрения³⁴ [определение см.: 14, с. 70], во многом зависели от позиции ведомства, издающего нормативный правовой акт, и даже взглядов и мировоззрения отдельного высокопоставленного чиновника [3, с. 75]. При различии же таких позиций правоприменение определялось усмотрением конкретного должностного лица даже низкого чина, в данном случае имевшего возможность выбирать между нормативными актами министерства внутренних дел и Синода Российской церкви, имевшими одинаковую юридическую силу. Еще большую путаницу вносили собственные нормативные акты Сената, министерства юстиции и других государственных органов, которые, как, впрочем, и МВД, находились иногда под влиянием Синода, но в ряде случаев ориен-

³⁰ Основные Государственные Законы. – Ст. 85. – С. 6.

³¹ Манифест 25 июня 1811 г. Об «Общем учреждении Министерств». – С. 120.

³² Айвазов И. Г. Новая вероисповедная система русского государства. – Москва: Русская печатня, 1908. – 69 с.

³³ Манифест 25 июня 1811 г. Об «Общем учреждении Министерств». – С. 116.

³⁴ Михеева И. В. Правотворческая деятельность министерств Российской империи: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва: ВЮИ ФСИН, 2012. – С. 15.

тировались на Основные законы и высочайшие указы о свободе совести и их дух.

В результате в ситуации церковно-государственной взаимозависимости, министерских противоречий и отсутствия эффективного механизма межведомственного согласования нормативных правовых актов не вызвала сомнений вплоть до 1917 г. справедливость мнения делегатов старообрядческого съезда, заявивших в об-

ращении к министру внутренних дел П. Д. Святополк-Мирскому: «Правовое положение наше зависит в большинстве случаев от личных взглядов и убеждений Губернатора, исправника, и большей части населения от урядника»³⁵.

³⁵ Пятый Всероссийский старообрядческий съезд, август 1904 г. // ОР РГБ. – Ф. 579: Собрание рукописных книг Братства Петра митрополита. – № 189. – Л. 16 об.

Список литературы

1. Андреева О. А. Преемственность в истории отечественного государства и права. – Таганрог: Изд-во ТИУиЭ, 2006. – 208 с.
2. Андреева О. А. Проблема преемственности в истории российского права // История государства и права. – 2009. – № 7. – С. 13–17.
3. Голодов П. В. Административное усмотрение в управленческой практике учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. – 2017. – № 2 (38). – С. 73–79.
4. Дамирли М. А. К новой концепции исторического познания права // Правоведение. – 2003. – № 3 (248). – С. 159–169.
5. Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. – 556 с.
6. Михеева И. В. Обеспечение законности актов министерств Российской империи в XIX – начале XX века // Журнал российского права. – 2015. – № 11 (227). – С. 19–28.
7. Михеева И. В. Российские министерства в XIX веке: опыт нормотворчества. – Москва: Юрлитинформ, 2010. – 189 с.
8. Пугина О. А. Преемственность элементов российской правовой системы и проблемы конституционно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 11. – С. 2–6.
9. Рожков В. С., *прот.* Церковные вопросы в Государственной Думе / Материалы по истории церкви. – Москва: Крутицкое патриаршее подворье: О-во любителей церковной истории, 2004. – Кн. 23. – 560 с.
10. Рыбаков В. А. Преемственность в развитии права: монография. – Омск: Изд. дом «Наука», 2007. – 347 с.
11. Селезнев Ф. А. Судьба законопроекта о старообрядческих общинах (1905–1914) // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – 2008. – № 1. – С. 130–140.
12. Смолич И. К. История русской церкви (1700–1917). – Москва: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – 798 с.
13. Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. – Москва: Печатня А. И. Снегиревой, 1910. – Т. 2. – 267 с.
14. Тихомиров Ю. А. Административное усмотрение и право // Журнал российского права. – 2000. – № 4. – С. 70–79.
15. Томсинов В. А. Экспертное заключение о правопреемстве СССР относительно предшествовавших ему государств – Российской Республики 1917 года и Российской империи [Электронный ресурс] // Сайт доктора юридических наук, профессора МГУ В. А. Томсинова. – URL: http://tomsinov.com/Delo/expert_14_02_2011.pdf (дата обращения: 30.04.2023).

References

1. *Andreyeva O. A.* Preyemstvennost' v istorii otechestvennogo gosudarstva i prava. – Taganrog: Izd-vo TIUie, 2006. – 208 s.
2. *Andreyeva O. A.* Problema preyemstvennosti v istorii rossiyskogo prava // Istoriya gosudarstva i prava. – 2009. – № 7. – S. 13–17.
3. *Golodov P. V.* Administrativnoye usmotreniye v upravlencheskoy praktike uchrezhdeniy i organov ugovovno-ispolnitel'noy sistemy // Vestnik instituta: prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye. Vologodskiy institut prava i ekonomiki Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy. – 2017. – № 2 (38). – S. 73–79.
4. *Damirli M. A.* K novoy kontseptsii istoricheskogo poznaniya prava // Pravovedeniye. – 2003. – № 3 (248). – S. 159–169.

5. *Mel'nikov F. Ye.* Kratkaya istoriya drevlepravoslavnoy (staroobryadcheskoy) tserkvi. – Barnaul: Izd-vo BGPU, 1999. – 556 s.
6. *Mikheyeva I. V.* Obespecheniye zakonnosti aktov ministerstv Rossiyskoy imperii v XIX – nachale XX veka // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2015. – № 11 (227). – S. 19–28.
7. *Mikheyeva I. V.* Rossiyskiye ministerstva v XIX veke: opyt normotvorchestva. – Moskva: Yurlitinform, 2010. – 189 s.
8. *Pugina O. A.* Preyemstvennost' elementov rossiyskoy pravovoy sistemy i problemy konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. – 2007. – № 11. – S. 2–6.
9. *Rozhkov V. S., prot.* Tserkovnyye voprosy v Gosudarstvennoy Dume / Materialy po istorii tserkvi. – Moskva: Krutitskoye patriarsheye podvor'ye: O-vo lyubiteley tserkovnoy istorii, 2004. – Kn. 23. – 560 s.
10. *Rybakov V. A.* Preyemstvennost' v razvitii prava: monografiya. – Omsk: Izd. dom «Nauka», 2007. – 347 s.
11. *Seleznev F. A.* Sud'ba zakonoprojekta o staroobryadcheskikh obshchinakh (1905–1914) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo. – 2008. – № 1. – S. 130–140.
12. *Smolich I. K.* Istoriya russkoy tserkvi (1700–1917). – Moskva: Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya, 1996. – 798 s.
13. *Tarasov I. T.* Lektsii po politseyskomu (administrativnomu pravu). – Moskva: Pechatnya A. I. Snegirevoy, 1910. – T. 2. – 267 s.
14. *Tikhomirov Yu. A.* Administrativnoye usmotreniye i pravo // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2000. – № 4. – S. 70–79.
15. *Tomsinov V. A.* Ekspertnoye zaklyucheniye o pravopreyemstve SSSR otnositel'no predshestvovavshikh yemu gosudarstv – Rossiyskoy Respubliki 1917 goda i Rossiyskoy imperii [Elektronnyy resurs] // Sayt doktora yuridicheskikh nauk, professora MGU V. A. Tomsinova. – URL: http://tomsinov.com/Delo/expert_14_02_2011.pdf (data obrashcheniya: 30.04. 2023).

Статья поступила в редакцию 25.05.2023; одобрена после рецензирования 16.07.2023; принята к публикации 01.12.2023.

The article was submitted May 25, 2023; approved after reviewing July 16, 2023; accepted for publication December 1, 2023.